

Я за время нашего знакомства видел разную Таню Дегуршафф. Видел ее холодно-сосредоточенную, планирующую боевую операцию, склонившись над столом, застеленным штабной картой, с курвиметром и карандашом в руках. Видел японца пафосного до невозможности, вещающего своим магам торжественным писклявым голосом о славе империи и будущих боях и победах. Наблюдал Танечку в бою, причем в разных ипостасях: в виде демона с маниакальным блеском в глазах и дьявольской усмешкой, целеустремленного как сама смерть, рвущего в мелкую лапшу всех встречных и поперечных или в личине холодного, трезво рассуждающего командира, умело склоняющего своими действиями и командами рисунок боя в свою пользу. Видел я и Таню-бюрократу, когда она строчила свои рапорты, задумчиво кусая кончик пера или Таню – воспитанную маленькую девочку, когда та мило улыбалась собеседнику, попивая кофе и говоря комплименты медовым голоском. Моя сестричка может быть разной, что там говорить...я и сам отчасти такой.

Но сегодня, я впервые видел Дегуршафф оху... ладно, скажу приличнее – охреневшую до самой глубины своей загадочной японской души. Нет, вообще-то сестричка с собой быстро справилась, но стоя перед Пашкой с букетом, пару секунд она была в абсолютной, полнейшей растерянности. Взгляд обалделый, расфокусированный, рот приоткрылся из-за резко отвисшей вниз челюсти, плечи опущены вниз, все поза выражает глубочайшее недоумение, как будто перед ней стоял не обычный парень с цветами, а вставшая на задние ноги лошадь, держащая в передних копытах связку разноцветных воздушных шариков и заговорившая человеческим голосом. В общем, в эти пару секунд было на что посмотреть, да... Но потом стало резко не до того, потому что своего непутевого товарища пришлось выручать из беды самым решительным образом.

Во-первых, до Пашки дошло, что ситуация пошла как-то не так. Ну не могла его Таня оказаться настолько ошарашена его признаниями. А значит, это какая-то другая Таня, и вариантов, какая именно, не так уж много... Парень сбился на середине своего вдохновенного монолога, покраснев сильнее, чем розы в его букете, и, ахнув, отступил на шаг назад.

А во-вторых, с собой справился японец и, вернув челюсть на место, подумал явно что-то нехорошее, судя по злобной ухмылочке, исказившей Танечкино лицо. Еще секунда и вокруг Дегуршафф заплясали сполохи активированного магического поля. На то чтобы спасти Пашку от немедленной и страшной экзекуции оставались считанные мгновения, выстоять против моей сестрички он не мог никак, а переоценивать ее умение владеть собой я бы не стал...

- Стой! – Заорал я по-имперски, сбрасывая пелену иллюзии и помогая себе заклинанием левитации в один прыжок оказаться между этими двоими. – Стой майор! Произошла ошибка!

Своей цели я добился. Временно забыв о Пашке, японец развернулся ко мне.

- Ошибка?! – Злости в его голосе было хоть отбавляй. – Разыграть меня решила, русская?! Посмеяться захотелось, цирк устроить с майором Дегуршафф в главной роли!? Сейчас посмеемся вместе! – Воздух вокруг него аж засветился от формируемого мощнейшего плетения.

- Да включи ты мозги, сестра! – Заслонил я спиной Пашку, вкладываясь из всех сил в защитное поле. – Говорю же, это ошибка! Мой идиот нас просто перепутал!

- Что? – несколько опешил японец. – Как перепутал?

- Да очень просто! На нас обоих одинаковые русские матроски, выглядим мы тоже на одно лицо. Вот и принял одну Таню за другую! А ты что подумала?! Что в тебя вдруг влюбились и поспешили с признанием? Не льсти себе...

- Так, так, так... озадачился японец, слегка убавив мощь плетения. - Допустим, я тебе поверила - задумчиво пробормотала Дегуршафф. - Стоп, выходит, ты устраиваешь романтические свидания с мужиками, сестренка!? Принимаешь от них цветы и конфеты, слушаешь пылкие признания в любви? В твои-то юные годы? Да еще крутишь любовь не с кем-нибудь на стороне, а с собственными подчиненными? Однако... - покачала головой сестричка. - Расскажи мне, пожалуйста, насколько далеко ты зашла в отношениях с мужчинами? - Голос Дегуршафф буквально сочился медом и издевкой. - Я так думаю, гораздо дальше невинных поцелуев под луной?

- Все совсем не так, как ты подумала! - Выпалил я избитую фразу. А что мне еще оставалось делать?

- Не так? Значит, остается один вариант - вы вдвоем решили подставить меня, - зашипела Дегуршафф. - Устроить псевдо романтическое свидание с русским офицером, вручить мне эти идиотские цветы и записать все на орб! А потом использовать запись как компромат, чтобы командование усомнилось в моей надежности! - Японец уже нарисовал себе в голове картину происходящего.

- Да как его использовать? Какой, блин, компромат? Подумай сама, ты в русской морской форме. Если уж делать на тебя компромат, то я бы его сделала, когда ты при полном параде, в погонах и с орденом серебряных крыльев. А так это не на тебя компромат, а на меня, нас же на записи не отличишь - морды одинаковые. Да и вообще, на кой мне это надо? - Попытался я воззвать у Дегуршафф к голосу разума.

- Таня ни в чем не виновата! - Крикнул по-имперски из-за моей спины немного пришедший в себя Пашка. - Я вас действительно перепутал!

- А ты вообще молчи, - развернувшись, зло заорал я на парня, продолжавшего прижимать к груди злосчастный букет. - Пашка, если тебя сейчас Дегуршафф не убьет, то я сама это с удовольствием сделаю!

- Хм... - В этот раз японец задумался надолго, а потом все же распустил боевое плетение. Хотя орб деактивировать не стал. - Логично, признаю. Стало быть, ты все же крутишь любовь с мужиками... с-сестричка. Дело, конечно, твое, но как бы тебе это сказать...двусмысленно получается. Не рановато?

- Таня Дергачева честная девушка! - Снова не удержался Пашка. - Не смей говорить про командира всякие гадости! Не то я вызову тебя на дуэль!

- Только что мне букет дарил, а теперь на дуэль вызывает, - японца, похоже, начала забавлять вся эта ситуация. - Пылкий у тебя поклонник...

- Успокойтесь все! - выдохнул я. - Ладно, давайте проясним ситуацию. Дело-то, считайте, семейное. Потому что мы вроде как сестры, а Паша - Паша мне больше чем друг, тут ты права,

майор. Он мне как брат, мы с ним дружим еще с училища и он мне жизнь в бою спас. А я ему. Так что тут все сложнее, чем кажется. – Я отдышался и, сделав паузу, продолжил - Паша, милый друг, объясни с какого перепугу ты именно сегодня и в этот вечер решил вручить мне букет и объясниться в чувствах? Ты просто перепил с парнями, и вино ударило в голову? Или была другая причина? Раз уж тут оказалась замешана моя сестра, говори по-имперски и прямо при ней, не стесняйся.

Вместе мы переместились на скамеечку во дворе. Потихоньку Пашка разговорился. Тем более что японец окончательно успокоился и сидел молча, а я отпаивал парня крепким чаем, внимательно слушая.

В целом картина складывалась понятная. Оба батальона начали пить и закусывать и когда все дошли до кондиции, а случилось это довольно скоро, свою роковую роль сыграл дефицит женского общества. Девушек на вечеринке было ровно трое – Серебрякова, комэск Юлька и юнкер Лилия Танчукова из моего молодого пополнения. И так уж вышло, что все они оказались в обществе моих парней.

Серебрякову сразу же пригласил на танец Сережа Коротяев. Очень вежливо и галантно, попросив сначала разрешения у имперских магов. Отказать ему формальных причин не было, все же шла дружеская пирушка по случаю победы. А затем Вика так и осталась в его обществе. Не подумайте плохого, ей просто захотелось всласть поболтать на родном языке с соотечественниками, узнать новости про Россию и общих знакомых и вообще... Но вот имперским магам это не понравилось – любимица двести третьего батальона говорит на непонятном языке с русскими и не обращает на товарищей никакого внимания, а Вика со своим непосредственным характером этого тонкого момента просто не заметила.

Юлька, протанцевав пару танцев с имперцами вежливо, но настойчиво покинула их общество, присоединившись к парням из своей эскадрилии. Глядя на нее, не стала кокетничать с парнями из двести третьего и Лилия.

Так что в какой-то момент так случилось, что имперские маги остались пьянствовать в чисто мужском обществе вместе с Пашкой и парнями из его эскадрильи. А затем моего друга угостил припасенным шнапсом оберлейтенант Вайс, видимо, затаивший обиду из-за уведенной русскими Серебряковой, к которой питал некоторые романтические чувства. Или еще что-то на него нашло, мало ли... В общем, Вайс завел разговор обо мне и когда Пашу после вина со шнапсом порядком развезло и мой друг начал вещать имперскому офицеру про то, какая Таня Дергачева прекрасная девушка и командир, Вайс только головой кивал. А затем доверительно поведал, что если хочешь добиться в каком-то вопросе от Тани благосклонности, то ей надо подарить цветы и сказать пару комплиментов. Дескать, он это по опыту знает, потому что у них в командирах двести третьего точно такая же Таня... Например, их Тане Дегуршафф нравится, когда ей мужчины дарят цветы. Точно-точно, без обмана тебе говорю, как мужик мужику... Это она с виду такая неприступная, а на самом деле Дегуршафф ранимая и хрупкая как майский одуванчик...подаришь ей букетик и к тебе сразу другое отношение...

- Вайс в самом деле говорил, что он дарил мне цветы? – Встрял в Пашкин рассказ японец. - Правда? Ему жить надоело? – голосом Дегуршафф можно было заморозить небольшое озеро.

- Ну, не совсем,- задумался Пашка. - Он все общими фразами как-то... Говорил, что все девушки любят, когда парень искренне говорит о своих чувствах, - сбивчиво попытался пояснить Пашка,

успевший немного протрезветь после пережитого стресса. – Что-то про то, что пусть имперская и русская Тани иногда выглядят как сам дьявол, но в душе грозного командира живет маленькая добрая девочка, которая робко просится, чтобы ее выпустили наружу и надо ей помочь...

- Я ему кишки наружу выпущу, - сквозь зубы пробормотала Дегуршафф. – Я покажу этой пьяной свинье маленькую добрую девочку... Дискредитировать командира перед союзниками...ну стервец.

- Хрен с ним, с Вайсом, - прервал японца я. – Паша, он тебя поил и провоцировал, это понятно. Ты с какого хрена повелся на его разговоры? Ты меня плохо знаешь? Я тебе говорила сотни раз, что мы можем быть только друзьями, так? Зачем тогда?

- Так надо было, - вздохнул парень и опустил взгляд. – Просто все одно к одному сошлось, и я только сейчас набрался мужества... Я же ничего такого не имел в виду... И Вайсу я ничего личного про нас не сказал, просто объяснил что ты отличный друг и командир. Дело в другом!

- В чем же? – настаивал я.

- Я пришел с цветами не в любви признаваться. Я пришел просить тебя поддержать честь моей... честь нашей семьи.

- Вот сейчас не поняла, - озадачился я. – Причем здесь честь твоей семьи?

- Таня, ты же живешь в семье Никифоровых. Мы дружим. Это все знают. Так? – краснея, забормотал Паша. – При этом ты хоть и командир, но еще и девочка.

- Так и есть, - согласился я.

- Вот. Видишь! И какие у нас с тобой отношения? Я не говорю про нашу службу или нашу дружбу. Я говорю про семью. Семью Никифоровых и наш торговый дом неплохо знают в столице. Тебя вообще знает вся страна. Люди про нас много сплетничают, понимаешь или нет? И в светских салонах и на купеческих собраниях. Конечно, пока тебе еще слишком мало лет, но все равно, учитывая твой досрочный аттестат зрелости, вес в правительстве и всякое такое... Разговоры ходят. На нас косо смотрят в обществе. Люди должны получить ответ – кто мы друг другу? Получается, что никто, ты совершенно свободна, а мы с мамой просто сбоку припека... К тебе скоро свататься начнут, я говорю на полном серьезе – ты партия завидная. И как мы, Никифоровы, при этом выйдем? Про нашу семью шепчутся, даже сделки иногда срываются – говорят, Таня почему-то с Никифоровыми живет, но ими брезгует. Не ее полета птицы или знает про них что-то. В общем, нехорошо получается...

- Ясно, - коротко кивнул я. – Давно надо было мне это сказать. Я же приютская, многих вещей не понимаю. Вернемся – съеду от вас сразу же, чтобы не плодить кривотолки. Это поможет?

- Поздно... Этим ты точно опозоришь нашу семью, - горько вздохнул парень. – Ты же героиня всей России... Аристократы скажут, что Авдотья Павловна со своим сыночком полезла со свиным рылом в калачный ряд, но Таня им их место показала. Многие из купцов перестанут вести с нашим торговым домом дела – какой в этом смысл, если Таня нам больше не покровительствует? И потом – этим поступком ты всем покажешь, что совершенно свободна. Ты хочешь за кого-то замуж?

- Ни в коем случае, - передернул я плечиками.

- Но к тебе сразу же начнут свататься. Да, тебе мало лет, но речь идет про помолвку, от которой до свадьбы еще лет десять ждать можно. А союз с тобой сейчас – это реальная ценность для любого аристократического или купеческого семейства. За тобой начнут наперебой ухаживать молодые люди, предлагать руку и сердце, в очередь выстроятся. Ты будешь отказывать всем претендентам?

- Конечно, - тут же ответил я.

- Значит, будешь плодить недоброжелателей с каждым отказом. Кроме того, на тебя будут влиять. Откажешь кому-то, если тебя попросит за него сам император? Или если найдут тебе партию за рубежом? Например, надумают наши правители упрочить союз и выдать тебя за имперского герцога, а Дегуршафф за русского князя и что тогда делать будешь? Пойми Тань, я знаю что говорю, - усердствовал Пашка. - Просто тебе этого пока никто в глаза не высказывал. Нельзя быть полковником, аристократом вхожим в правительство и быть свободным от определенных обязательств. Даже если ты сирота.

- А ведь он прав, - подал голос японец, внимательно слушавший нас с кружкой своего любимого кофе. - Некоторым идиотам такое может прийти в голову... Твой Пашка действительно спас тебе жизнь?

- Было дело. Вынес на руках, когда меня ранило в Смольном. А потом выхаживал...

- А затем ты стала жить при его семье, как я поняла, - язвительно улыбнулась Дегуршафф. - Знаешь, сестренка, после этого ты как честный человек должна на Пашке жениться. Тьфу, извините...я хотела сказать выйти за него замуж.

- Да ну тебя, - отмахнулся я от японца. - Паша, так чего ты от меня хочешь? Давай заканчивать этот балаган.

- Я хочу, чтобы мы, вернувшись в Россию, публично заявили о своих отношениях. Объявили на людях, что ты собираешься стать моей невестой. погоди, - прервал он меня, видя, как я набираю воздух в грудь для ответа. - Ты много раз говорила, что мы не можем быть мужем и женой, но речь не о замужестве. Пусть твое сердце остается свободно. Зато этим заявлением ты очень поможешь моей семье, войдешь в нее официально. Кроме того, ты снимешь проблему со своими потенциальными женихами и положишь конец сплетням. А дальше...мы на войне и меня могут убить, а значит, все разрешится само собой. Если же мы оба останемся живы, и ты через несколько лет полюбишь другого, мы всегда сможем разорвать нашу помолвку под благовидным предлогом. Вот об этой формальности я и пришел тебя просить с этим злосчастным букетом, - закончил парень, допив чай из стакана и опустив глаза вниз.

Я поневоле призадумался. Нет, никаких отношений с парнями у меня не будет, это давно решено. Но в том, что предлагает Пашка, есть свое рациональное зерно. Надо бы помочь Никифоровым, я им многим обязан. Да и лучше занять официального жениха, отодвинув проблему на несколько лет, чем отказывать всем подряд, порождая домыслы и сплетни. Мне лично на свидания с мужиками ходить вовсе не улыбается... А женихи будут, мне Ребров на кое-что подобное уже намекал. Здесь патриархальное общество, помолвка, когда жениху и невесте по семь-восемь и даже пять лет – обычное дело, а свадьбы играют с шестнадцати. И лучше, если мою спину в матримониальном плане прикроет верный и свой в доску Пашка, чем

потом решать эту проблему в самый неподходящий момент. Раз уж он сам на это напрашивается... А с другой стороны, есть неглупая пословица: коготок увяз – всей птичке пропасть. И как бы эта «формальная» помолвка не довела меня потихоньку до алтаря и брачного ложа... тьфу, тьфу, тьфу, постучу по дереву... Хотя, думаю, мне столько не прожить.

- Ладно, - решил, наконец, я. - Пашка, встать и посмотреть мне в глаза! Ага, вот так. А теперь слушай, - сказал я, сверля вставшего по стойке «смирно» парня пронзительным взглядом. - Я согласна с твоим предложением. Но это – чистая формальность, чтобы не было сплетен. Мы остаемся командиром и подчиненным на службе и друзьями вне службы. Ни в какой брак я вступать категорически не намерена. И еще – ищи себе реальную невесту, не надейся, со мной у тебя ничего не выйдет. На Танчукову советую внимание обратить, хорошая девушка.

- Так точно, ваше превосходительство! – Просиял парень, став похожим на кота, перед которым поставили здоровенную миску сметаны. – Формальность – значит формальность, я все понял! Спасибо Таня, ты лучшая, - разулыбался он. А затем быстрым движением поднял лежавший на столе букет и сунул мне его прямо в руки.

- Поздравляю сестричка, - не осталась в стороне Дегуршафф, мгновенно активировав свой тип девяносто пять, и мерзко ухмыльнувшись. – Улыбочку, Таня, сожми букет покрепче, я записываю вас на орб для будущего свадебного альбома. Да, вот еще: как там тебя, Пашка, кажется? – подмигнула она моему «жениху». – Хотя ты мне теперь и родственничек получаешься, а еще раз меня с сестрой спутаешь – прибью. Какой сегодня, однако, насыщенный день выдался, - зевнула сестричка...

Сигнал пришел под утро, когда я досматривал последние сны. Какое-то неприятное, тревожащее чувство проникло в плену сновидения и настойчиво заставляло проснуться. Не успев открыть глаза, я интуитивно потянулся усилием воли к орбу и понял, что он принимает некий слабый, на грани шума магический сигнал. Что-то было не так...

С трудом разлепив наливающиеся свинцом веки, и помотав головой, чтобы согнать остатки сна, я сел в широкой кровати, стоявшей в моей личной комнате в штабном особняке. Вокруг все спокойно, только высокие напольные часы с маятником тихонько тикают в углу, да еле слышен из раскрытого окна шум моря. Легли мы с сестричкой вчера поздно, так что проспал я всего несколько часов. Ладно, надо разобраться, что блин, происходит.

Активировав свой тип девяносто пять, я потихоньку стал погружаться в хитросплетение призрачных цифр и шестеренок, отслеживая сигнал по силе и направлению. И вскоре сумел вычленив его из магического «белого шума», а затем и декодировать на внутреннем экране моего орба. Вскоре передо мной появилось короткое текстовое сообщение. «Внимание майор Дегуршафф и полковник Дергачева. Для вас есть важное сообщение. Курьер ждет вас одних, без сопровождения, до семи часов утра в десяти километрах на юг над морем, высота восемь тысяч футов.»

Раздумывал я недолго. Встав с кровати и наскоро одевшись, я пошел в соседнюю комнату, где сладко посапывала сестричка. Тихонько тронул ее за плечо, а когда Дегуршафф открыла глаза,

пальцем показал ей на ее орб. На то, чтобы разобраться с происходящим японцу потребовалось целых десять минут и пара подсказок. Все же в тонкой магии я посильнее сестры буду...

- Это ловушка, - тут же сказал японец, прочитав сообщение. - Магия не имперская.

- И не русская. Похоже на плетения северных магов Нордена. А транслирующий орб альбионский. Я думаю, это может быть приглашением на переговоры от наших закадычных «друзей». А может и ловушка, ты прав. Вопрос, что мы станем делать...

- Поднимать батальон, не вариант, - задумалась Дегуршафф, надевая мундир и подхватывая винтовку.

- Приближение наших бойцов заметят и убегут, - согласился я. - Похоже, работает единственный сильный маг. Я предлагаю нам слетать вдвоем на разведку. Засаду я почувствую, - не думаю, что от меня кто-то сможет укрыть иллюзией вражеских воздушных магов. В крайнем случае, сбежим сами. Или, если хочешь, я слетаю одна, а ты будь на подстраховке.

- Вместе полетим, - уверенно ответил японец, распахнув шкаф с летным комбинезоном. - Посмотрим, что это такое...

На то чтобы предупредить Серебрякову и Пашку и приказать на всякий случай подготовить батальоны к бою, ушло еще минут пятнадцать. И вскоре мы с Дегуршафф уже скользили в утреннем небе по направлению к источнику таинственного сигнала. На горизонте ни облачка, видимость отличная, ветра нет. Я тщательно сканировал окрестности, но следов магической или обычной засады не наблюдалось.

- Вижу! - Вскоре послышался в наушниках голос Дегуршафф. - Маг, один, на десять часов. Берем в клещи.

- Принято, - ответил я, ускоряясь и рассматривая в мощный морской бинокль приближающуюся фигурку. Что-то она мне показалась до боли знакомой...

- Эй, Дегуршафф, - крикнул я в переговорное устройство спустя минуту, удивленный донельзя.
- Ты разве второй раз полковника в небе над республикой не сбивала?

- А должна была? - удивился в свою очередь японец.

- Прилетели птички, - раздался в наушниках голос полковника Сью. - Отлично.